

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич*

представляют виртуальную выставку

Сказки В. И. Даля в иллюстрациях русских художников

*Саратов
2025*

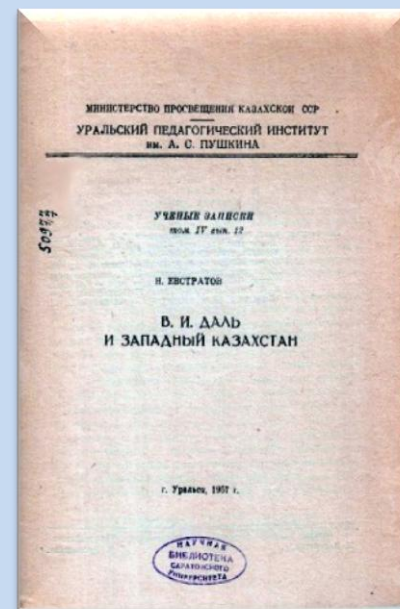
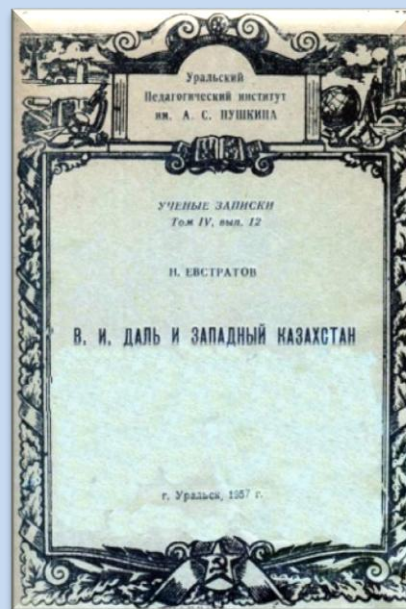
**Владимир
Иванович
Даль
(1801-1872)**

**лексикограф
писатель**

**псевдоним:
Казак В. Луганский**

Владимир Иванович Даль выступил на литературном поприще в начале 30-х годов XIX в., имея за плечами уже немалый жизненный опыт и запас разнообразных, прежде всего естественнонаучных, а затем и языковых наблюдений. Его литературные интересы и творческие замыслы развивались под плодотворным влиянием Пушкина и Гоголя, с которыми он находился в близких отношениях. Несколько ранее, будучи ещё студентом Дерптского университета, Даль познакомился с известным в то время поэтом В. А. Жуковским. А. С. Пушкин был первым наставником Даля, неизменно поощрявшим все его начинания, в том числе и главный труд его жизни — создание «Толкового словаря живого великорусского языка».

Сочувственно встретил поэт и первую книгу художественных произведений Даля «Русские сказки, пяток первый» (1832). Определившееся уже в этой книге направление таланта Даля как бытописателя народной жизни, а также и само обращение его к жанру сказки отвечали общему для передовой русской литературы стремлению к народности.

50977

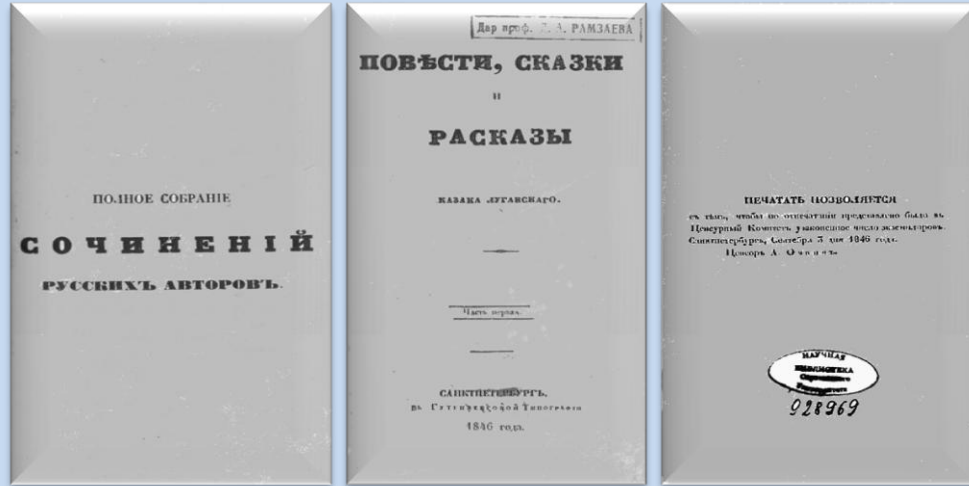
Евстратов, Н. В. И. Даль и Западный Казахстан / Н. Евстратов ; Министерство просвещения Казахской ССР ; Уральский педагогический институт им. А. С. Пушкина. – Уральск : [Б. и.], 1957. - С. 245 – 260. - (Учёные записки. Т. IV, вып. 12). – Текст : непосредственный .

Позже, в 40-е годы, творчество Даля встретило активную поддержку со стороны В. Г. Белинского. Борясь за реалистическое и демократическое направление в литературе 40-х гг., за натуральную школу, Белинский приветствовал Даля как знатока народной жизни и мастера так называемого «физиологического» очерка.

«Изо всех наших писателей, не исключая и Гоголя, — писал Белинский о Дале, — он особенное внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго и с участием изучал его, знает его быт, до малейших подробностей...». (Наст. изд., с. 1-2).

Сказка

о некоем православном покойном мужичке и о сыне его, Емеле Дурачке

928969

Емеля дурачок : Повести, сказки и рассказы казака «Луганского». Часть первая. – Санкт-Петербург : Гутенбергова Типография, 1846. – С. 412-439. - Текст : непосредственный.

Стояла на реке судоходной слобода; в слободе той жил старик и при нём три сына: двое умных, а третий дурак. Умных не станем мы называть по имени; умников на белом свете много, всех не докличешься, не дозовёшься; а дурака звали Емелею дураком. Старик умных двух сыновей своих оженил, а Емеле наказал оставаться холостым, покуда разве не проглянет душою, не поумнеет. «Пусть будет беда», – говаривал старик: «не было бы греха, чтобы не было, чего доброго, его масти приплоду!»

А когда наконец старик этот задумал умирать, то разделил все пожитки свои и скотину на две равные части, умным сыновьям своим, и оставил, кроме того, всем трём, и Емеле тоже, по сто рублей; а сам, представившись, вознёсся душою в вечность... (Наст. изд., с. 415-416).

Везёт счастье бестолковое, везёт хитрость пронырливая, людская, и всякая кривая неправда, везёт часом и просто дурь нагольная, глупость простоволосая! И на что же, скажите, придумали люди ум да разум, и придираются, доискиваются совести, как бывало Соломонида, кума моя, поскрёбышков из квашни порожней, и докучают и себе, и людям? По нашему: день прошёл, так и спать пошел; день расцвел, – встал да поел; а кто поспорит со мной, станет перечить, тому скажу я сказку про некоего православного, покойного мужичка и про сына его, про Емелю дурачка, а кума придакнет, скажет: и вестимо, родимый, от ума лишнего и черно-книжество родилось; а совестливый, примолвит сват Демьян, и из-за сытого стола голодный встанет!

...Братья-умники, потолковав между собою вдвоём, сказали дураку: «Послушай, отдай ты нам деньги твои, сто рублей, мы поедём с братом в город торговать; а когда, по благословлению в Бозе почившего отца и родителя нашего, приторгуем великие барыши, то купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги! А ты, тем часом, сиди дома, оставайся хозяином, да слушайся невесток своих и делай всё, что они тебе велят!».

Емеля, которому страх хотелось пройтись по слободе в красном кафтане, красной шапке и красных сапогах, деньги отдал братьям, и охотно на всё согласился. И так, братья поехали, а он остался с невестками. Емеля весь Божий день лежал на полатах, либо на печи, и только посулив ему луку да толокна с квасом – до чего он был страстным охотником и едоком за семерых – могли допроситься невестки, чтобы он пособил им по хозяйству.

«Поди, Емеля дурачок, сказали они ему однажды, «принеси-ка воды!». А дело было зимою, и стужа православная.

– А вы что? – отвечал Емеля. «Как, что», – сказали невестки: наше дело бабье; ты знаешь, что кошка с бабой всегда в избе, а мужик да собака завсегда на дворе; тебе не след в избе на печи на печи валяться! Видишь, какой мороз на дворе; тут не только бабе, и мужику впору выйти; а мы тебе луку да толокна с квасом припасём; а если не пойдёшь, так скажем мужьям нашим; они тебе тогда не справят ни красной шапки, ни красного кафтана. Ни красных сапогов!». Услышав такие лестные и убедительные речи, слез Емеля с печи, оделся, обулся, взял вёдра, топор и пошёл по воду. Пришёл на реку, прорубил он прорубь сажени в две и примерил по коромыслу, не тесно ли будет оба ведра воды зачерпнуть? Наконец сладил, воды набрал, вёдра поставил на лёд и глядел, почёсывая голову, в полынью свою. Вдруг в ней всплыла большая щука. Щука в полынье умному в руки не даётся; а Емеля, сдуру, засучив рукав, присел, запустил руку в полынью и – вытащил щуку! «Начто ты меня поймал?» – спросила щука, когда Емеля стал сажать её за пазуху. – Как, начто! – отвечал Емеля, – отдам тебя невесткам, так они сварят тебя, – отвечал Емеля, – а я тихонько унесу да съем, да закушу толокном с квасом, да луком!...

«Пусти меня, – просилась Щука, – я за это исполню всякое и любое твоё желание!».

– Это не худо, подумал дурак. – Да дело в том: жил-был мужик в беде крутой и посулил всем угодникам, по обету, поставить по гривенной свече – а когда выпутался обещанник наш, так говорит: «не дам; подите, ищите на мне!»

Так и я отпущу тебя тогда, когда ты мне сперва службу отслужишь, не прежде; когда рожь, тогда и мера! – «Положи же меня опять, – отозвалась щука, – на самый край полыньи, чтобы я по крайней мере могла доставать носом воду и в жабры выпускать её, а сам поди на берег, оглянись на все четыре стороны и, если увидишь галку белохвостую, то подойди потихоньку и поймай её так же искусно, как поймал меня; посади её за пазуху и скажи: по щучьему веленью, по моему прошенью, перекинься галка двуногая, белохвостая, в чертёнка двурогого, чернохвостого; а что дальше будет, сам увидишь; но меня в прорубь посадить не позабудь; если же я усну на льду, так и тебе худо будет!».

Емеля вышел на берег, оглянулся и увидел на земле чернилицу, в которой стояло белое перо да от ветра повёртывалось. Земский Исправник, приехавший в слободу на следствие, по доносу, который был им отыскан и узнать в печатном предсказании Мартына Задеки, где что в России скрываются ещё великие сокровища, – Земский Исправник этот привёз, для следственного дела, из уездного города чернилицу, дал её поддержать писарю волостному, а тот, ознобив с нею руки, поставил её на снег, а сам дул в кулаки и проминался. (Наст. изд., с. 417-419).

Емеля счёл чернилицу с белым пером белохвостой галкой; он снял с головы шапку, подкрался к птахе и благополучно её накрыл. Не успел он вынуть чернилицу из-под шапки, ровно соловья из-под лучка, и вымолвить заклинание: по щучьему веленью, по моему прошенью, перекинься галка двуногая, белохвостая, в чертёнка двурогого, чернохвостого, – как в руках у него зашевелилось и выполз из чернильницы смуглый, рогатый, чернохвостый чертёнок! Емеля дурачок поймал его, как зайчонка, за задние лапки, и хохотать, бока надсадил, кишки порвал, когда тот начал хрюкать и визжать поросёнком, рваться и проситься на волю, к земскому. «Пусти меня, – говорил чертёнок, – я тебе за это, чего не пожелаешь, всё сделаю!» – Врёшь, – отвечал Емеля, – обманешь, в лезть уйдёшь; сулил пан шубу, да не дал; а слово его и тепло, да не греет! Пойдём-ка вместе на полыню, потолкуй там с кумой, со щукой: либо я тебя утоплю, а её на берег закину, либо дадите наперёд что посулили! – А что бы ты пожелал себе? – спросил чёрт. – Проси с меня службу троякую; пожелай в три раза, чего хочешь! – Наперёд, – сказал Емеля, – чтобы у меня всегда было вволю луку, квасу и толокна; потом, чтобы всякая работа, к какой меня невестки, или другой кто ни приставят, сама собою делалась; а ещё в третьих..., в третьих, ещё луку, квасу и толокна! – Всё это перед тобою, – захрюкал чертёнок, – помни только заговор, который тебе скажу: по щучьему веленью, по моему прошенью, по земскому решенью, будь то и то; и будет. – Попытаемся, – сказал Емеля. – По щучьему веленью, по моему прошенью, по земскому решенью, луку, квасу и толокна! Всё явилось. – Ладно, – сказал он, – сыт; не хочу больше! Всегда ли так будет? – Всегда, – отвечал чертёнок.

Емеля отпустил чертёнка на волю, посадил щуку в прорубь, стал перед своими вёдрами, которые тем часом примёрзли ко льду, так, что он не мог их оторвать: «по щучьему веленью, по моему прошенью, по земскому решенью, подите, вёдра, не расплёскивая воды, на гору, да ставьте в избу, на лавку!» Вёдра пошли сами на гору, с боку на бок, как фря какая, с башмачка на башмачок, переваливаясь, коромысло долговязое плакалось на скороходов и через силу их догоняло. Соседи, глядя на это, крайне удивлялись такому чуду: вёдра сами идут, а Емеля наш вслед за ними, луком заедает, их как уток, перед собою погоняет. Полные вёдра стали в избе, на лавку, а Емеля влез опять на печь. Но невестки не давали ему покоя и говорили: «Ты бы, дурак, пошёл да дров нарубил». – А вы что? – спросил Емеля. – Как, что?, – отвечали те, – женское ли это дело, дрова рубить? Теперь время холодное, не пойдёшь, так ты же озябнешь, на холодной печи леж! А красного кафтана, красной шапки и красных сапогов и во сне не увидишь! Тогда Емеля, лёжа на печи, тихо промолвил: «По щучьему веленью, по моему прошенью, по земскому решенью, поди, топор, наруби дров; а вы, дрова, сами в избу ступайте, в печь ползайте». И отколе ни взялся топор, выскочил на двор, нарубил дров охапку большую, а сам пришёл да и лёг под лавку.

...Вскоре весь тот край заговорил о Емеле дурачке и о проказах его; народ сходился и сбегался со всех концов на родину его, чтобы поглядеть на этого чудака. Наконец весть об этом дошла и до Короля той страны; Король захотел непременно увидеть Емелю, послал одного чиновника своего, и приказал привезти его немедленно...

– Пойдём, Емеля, – просил посланец королевский, – тебе Король сошьёт красный кафтан, красную шапку и красные сапоги!» И невестки стали также просить его и уговаривать. – Ну, когда так, так пойдём, – отвечал Емеля. – Поезжай же ты у меня вперёд, очищай дорогу, а я тебя обгоню. Посланец спросил невесток, не обманет ли его дурак? Но они ему отвечали: «что Емеля однажды скажет, то по глупости своей и сделает непременно». Емеля наелся толокна с луком да с квасом. Выспался, а когда невестки его наконец разбудили, сказать ему, что уже пора ехать, тогда он, не слезая с печи, вымолвил: «по щучьему веленью, по моему прошенью, по земскому решенью, поезжай-ка ты, печь, во стольный град, да прямо к Королю на двор! Ещё труба экипажа его дымилась и сало во щах не остыло! (Наст. изд., с. 419-427).

**Виктор Николаевич
Лагуна
(1930-2016)**

Виктор Николаевич Лагуна родился в городе Канске в 1930 г. Рос и учился в Новосибирске.

В годы Великой Отечественной войны при городском парке имени Кирова работал кружок изобразительного искусства. В нём давали первичные навыки владения кистью и приобщали к общественному труду. Кружковцы расписывали деревянные игрушки для детских садов и детских домов. Обескровленная войной страна делала всё возможное, чтобы не лишить детей радости, приобщить их к красоте. Работа в кружке дала подростку Лагуне ощущение общественной необходимости своей работы. Позже будущий художник, продолжая учёбу, работал чертёжником. И может быть, от этого опыта идёт чистота и точность линий его рисунка...

В Палехском государственном имени М. Горького художественном училище В. Н. Лагуна стал учеником прославленных художников: заслуженного деятеля искусств РСФСР Д. Н. Буторина, народных художников РСФСР И. П. Вакурова, Н. И. Зиновьева, то есть тех людей, с именами которых тесно связано становление советского Палеха, его живописной школы и художественного стиля, ныне хорошо известного всему миру.

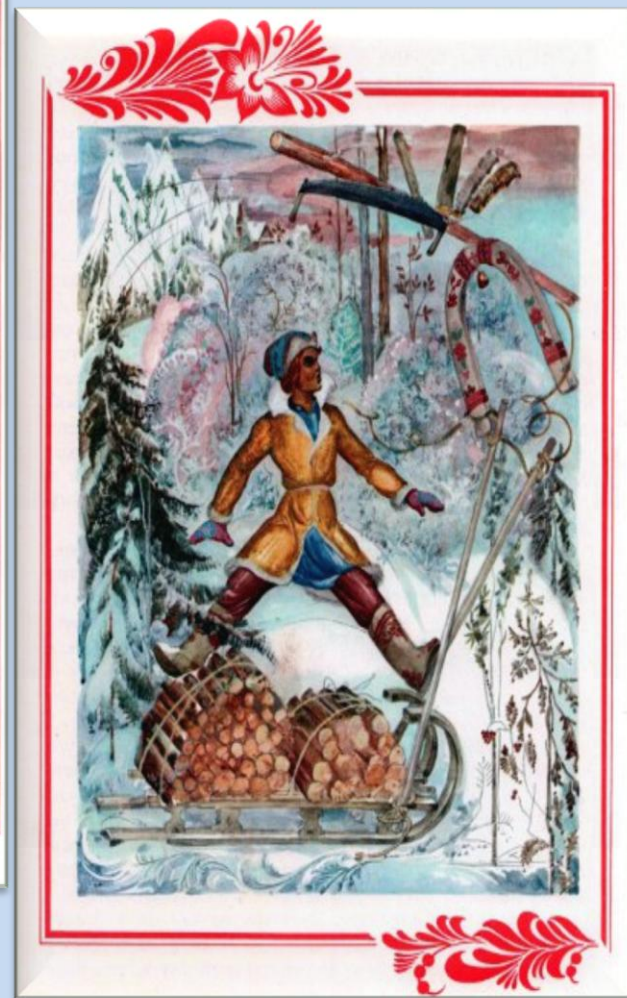
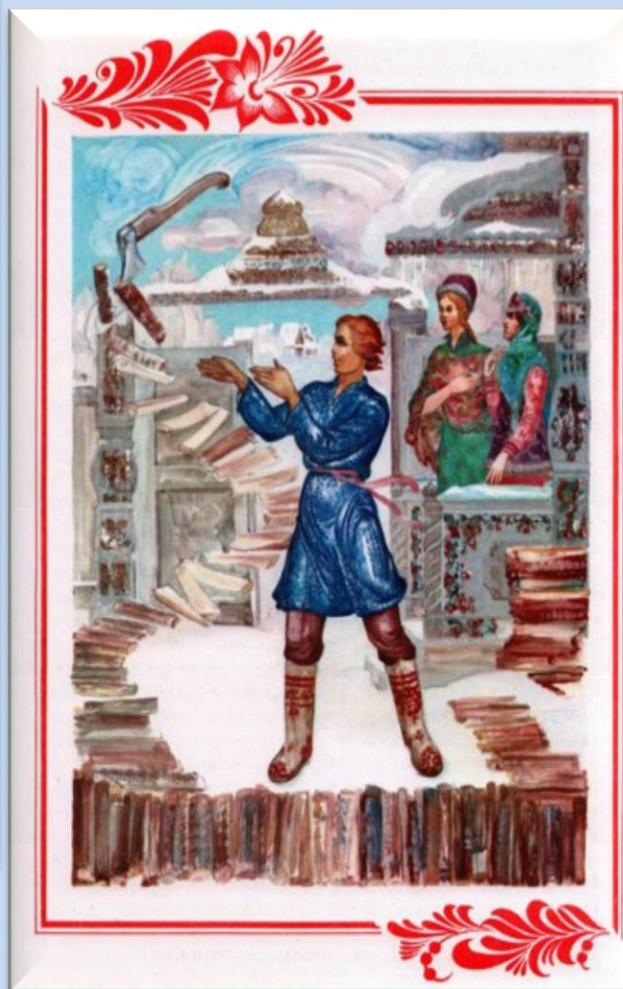
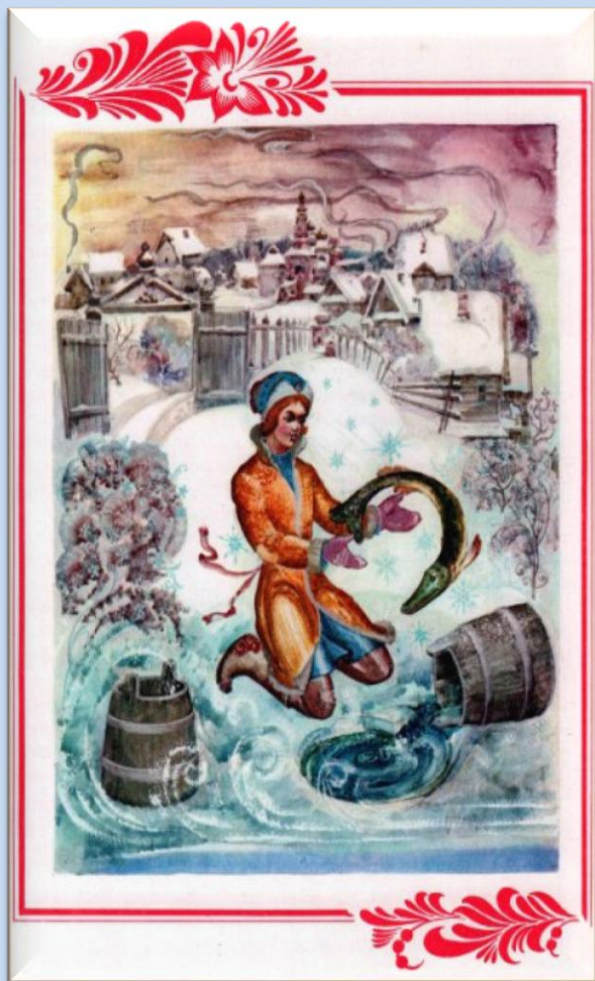
Блестяще окончив училище, Виктор Лагуна ещё более четырёх лет работал в Палехе. Ряд его студенческих работ был рекомендован художественным советом на республиканские и международные выставки. Они экспонировались в Хельсинки, Карачи, Брюсселе, Лейпциге, Загребе. В. Н. Лагуна стал членом Союза художников СССР.

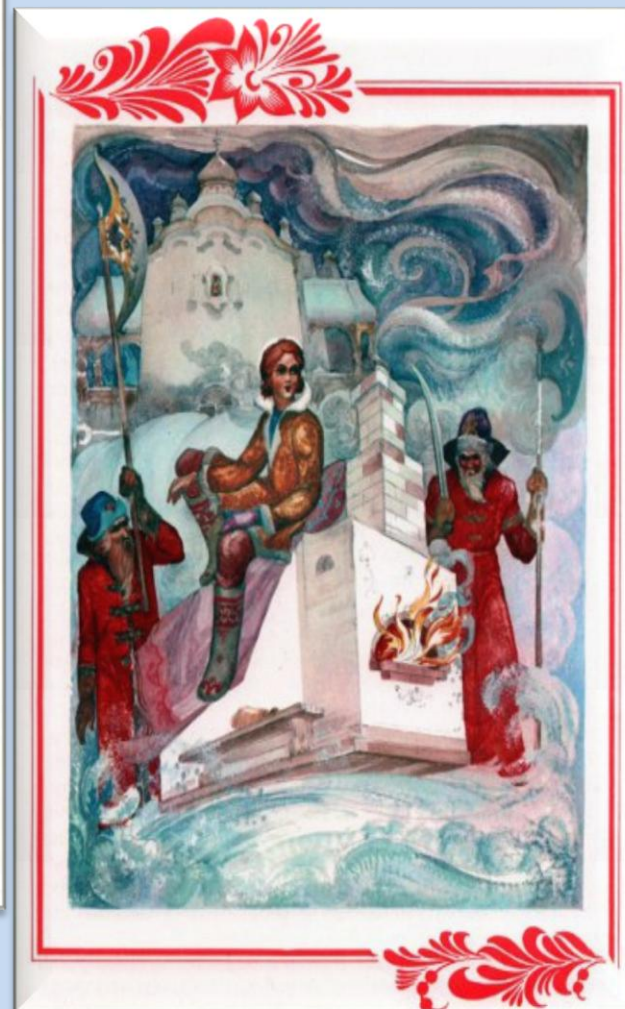
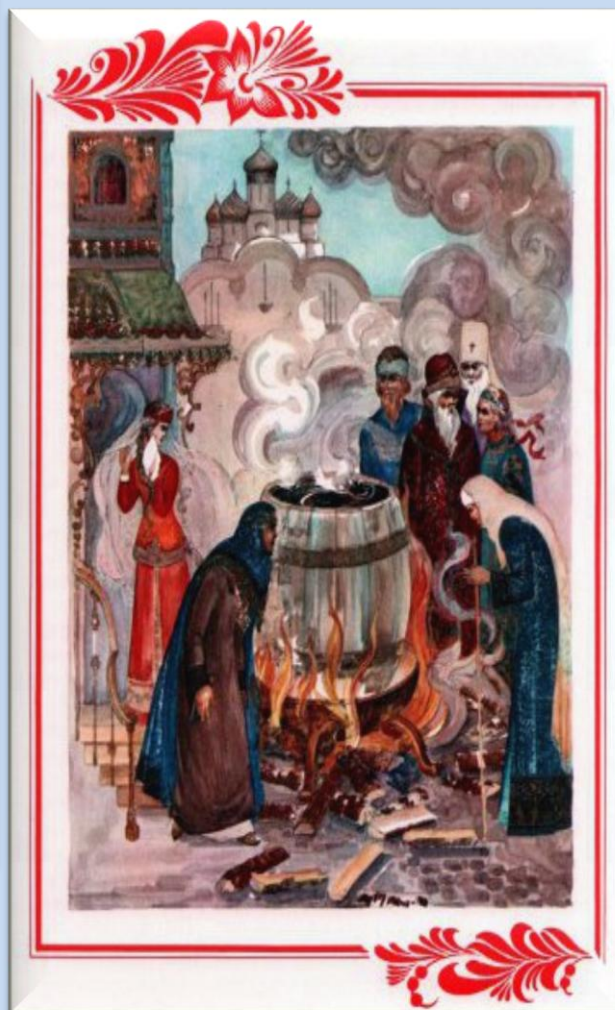
«Сказка о Емеле привлекла внимание В. Н. Лагуны мотивом самодвижения различных предметов, что давало возможность создавать динамичные, вихревые композиции. Силу и красоту этого движения видели и древние сказочники. И даже, чтобы подчеркнуть его неустойчивость, не останавливались перед тем, что «позволяли» саням с дровами или движущейся печи давить «толпу», множество людей. Возможность пластического воплощения этого движения захватила художника», — отмечает М. Мельников в статье «Добрый волшебник» (*Сибирские огни*. — 1981. — № 7. — С. 147-163).

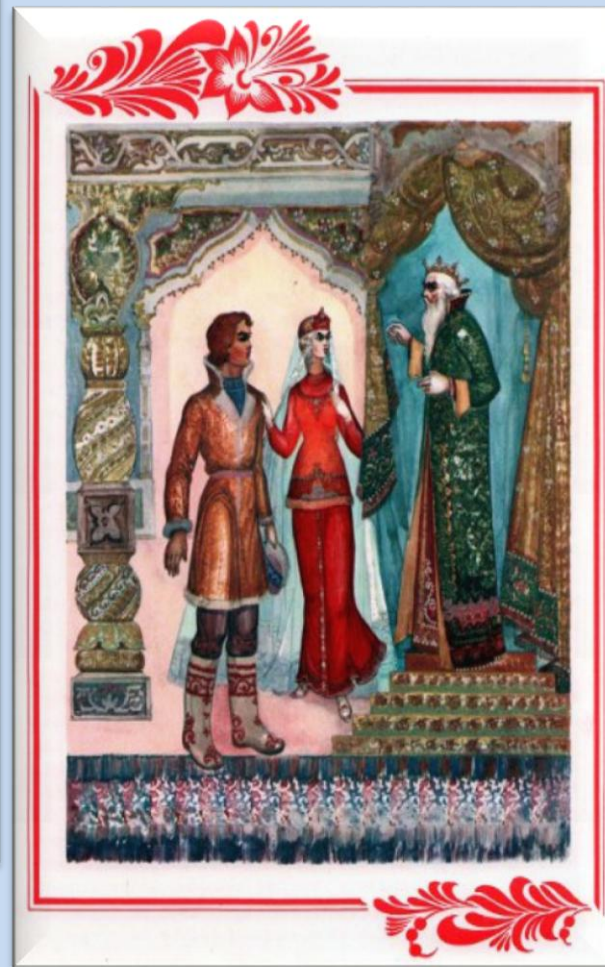
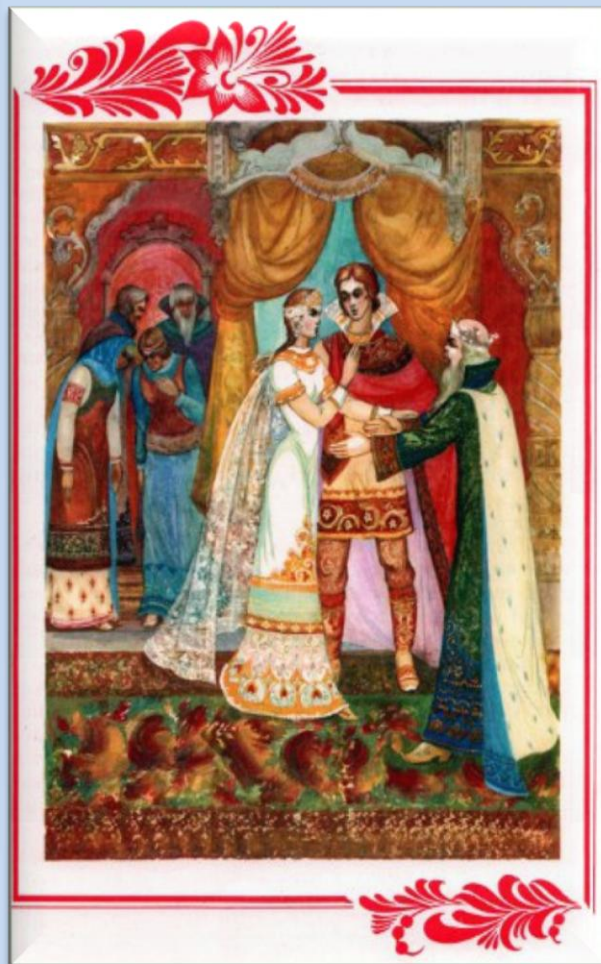
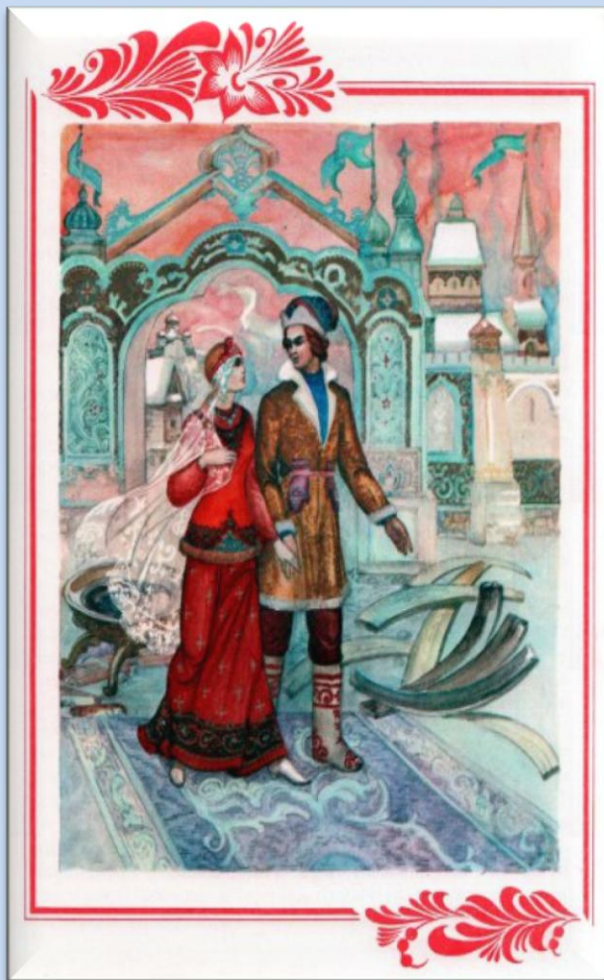
A669628

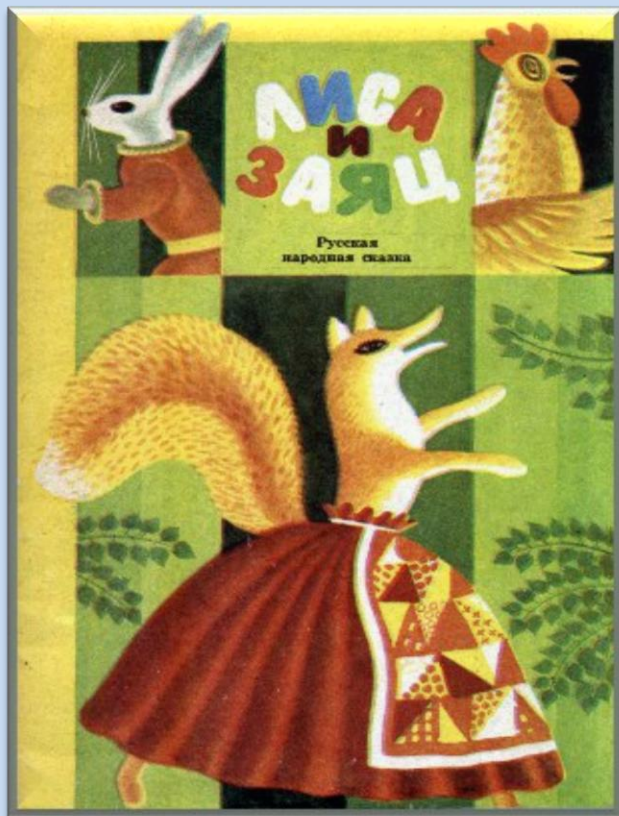
**Про Емелю дурака. — Текст :
непосредственный // Русские народ-
ные сказки / иллюстрации В. Лагуны ;
оформление Е. Зайцева. — [Новоси-
бирск] : Новосибирское книжное изда-
тельство, 1989. — С. 111-132 : ил. —
ISBN 5-7620-0071-0.**

(Наст. изд., с. 119, 123, 125)

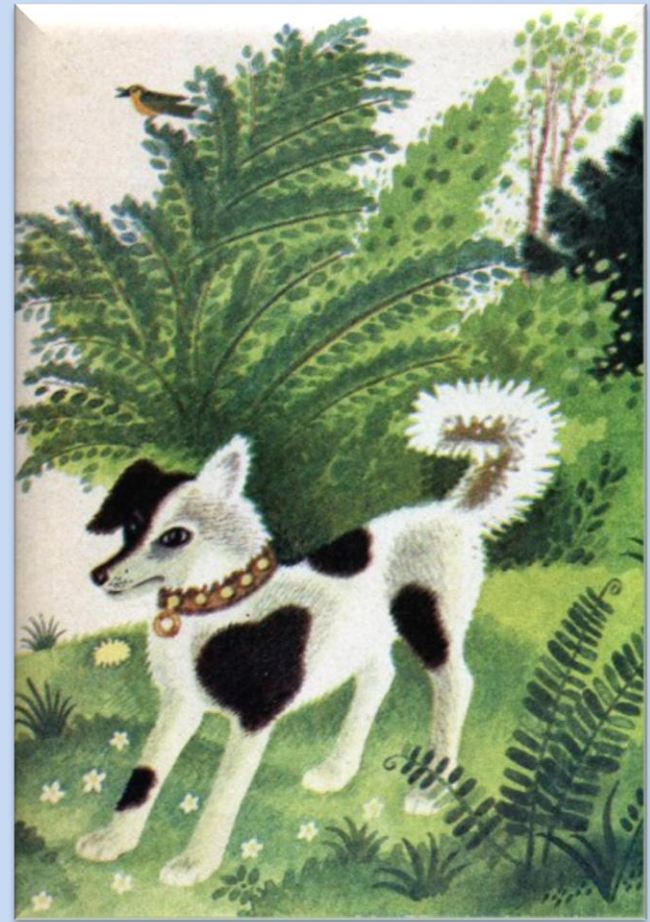

А639493

Лиса и заяц : русская народная сказка : для детей дошкольного и младшего школьного возраста / редактор О. Деревцова ; художник С. Есипов. – Владивосток : Дальневосточное книжное издательство, 1984. – [12] с. : ил. – Текст : непосредственный.

Жили-были лиса да заяц. У лисы была избёнка ледяная, у зайца – лубяная. Пришла весна-красна – у лисы избёнка растаяла, а у зайца стоит по-старому. Вот лиса и попросилась у него переночевать, да его из избёнки и выгнала. (Наст. изд., с. 1-3).

Идёт дорогой зайчик и плачет. Ему навстречу собака:

– Тяф, тяф, тяф! Что, зайчик, плачешь?

– Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ко мне ночевать, да меня и выгнала.

– Не плачь, зайчик! Я твоему горю помогу.

Подошли они к избёнке. Собака забрехала :

– Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон! А лиса им с печи:

– Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам !

Собака испугалась и убежала. (Наст. изд., с. 4-5).

Зайчик опять идёт дорогой,
плачет. Ему навстречу медведь:

– О чём, зайчик, плачешь?

– Как мне не плакать? Была у
меня избёнка лубяная, а у лисы
ледяная. Попросилась она ко мне
ночевать, да меня и выгнала.

– Не плачь, я твоему горю
помогу. Нет, не поможешь. Собака
гнала – не выгнала, и тебе не выгнать.

– Нет выгоню! Подошли они к избёнке.

Медведь как закричит:

– Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

– Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Медведь испугался и убежал.

Идёт опять зайчик. Ему навстречу бык:

– Что, зайчик, плачешь?

– Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная.

Попросилась она ко мне ночевать, да меня и выгнала.

– Пойдём, я твоему горю помогу.

– Нет, бык, не поможешь. Собака гнала – не выгнала, медведь гнал – не
выгнал, и тебе не выгнать.

– Нет выгоню!

Подошли они к избёнке. Бык как заревел:

– Поди, лиса, вон!

– Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам! (Наст. изд., с. 6-9).

Идёт опять зайчик дорогой, плачет пуще прежнего. Ему навстречу петух с косой:

– Ку-ка-ре-ку! О чём, зайчик, плачешь?

– Как мне не плакать? Была у меня избёнка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала..

– Пойдём, я твоему горю помогу.

– Нет, петух, не поможешь. Собака гнала – не выгнала, медведь гнал – не выгнал, бык гнал – не выгнал, и тебе не выгнать.

– Нет, выгоню!

Подошли они к избёнке. Петух лапами затопал, крыльями забил:

– Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,

Несу косу на плечах,

Хочу лису посечи,

Слезай, лиса, с печи,

Поди, лиса, вон!

Лиса услышала, испугалась и говорит :

– Обуваюсь ...

Петух опять:

– Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,

Несу косу на плечах,

Хочу лису посечи,

Слезай, лиса, с печи,

Поди, лиса, вон!

Лиса опять говорит:

– Одеваюсь...

Петух в третий раз:

– Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,

Несу косу на плечах,

Хочу лису посечи,

Слезай, лиса, с печи,

Поди, лиса, вон!

Лиса без памяти выбежала, и след её простыл.

И стали петух с зайчиком жить-поживать в лубяной избёнке. (Наст. изд., с. 10-12).

**Юрий Алексеевич Васнецов
(1900-1973)**

**Народный художник
РСФСР**

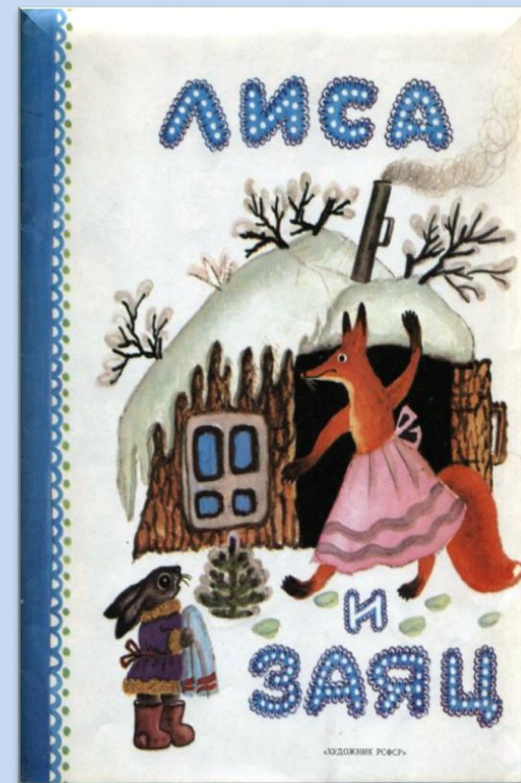
**лауреат Государственной
премии СССР**

Ю. А. Васнецов родился в 1900 г. в старинном русском городе Вятке.

В 1921 г. Васнецов поступил на живописное отделение Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских, где учился у О. Э. Бразы, А. И. Савинова, А. Е. Карева, М. В. Матюшина.

Окончив Вхутеин в 1926 г., молодой художник поступил в ленинградский ГИНХУК в Отдел живописной культуры, руководимый Малевичем.

Васнецов вошёл в советское искусство в 20-30-е гг., когда шёл активный процесс создания детской книги. В Ленинграде в 1925 г. при Государственном издательстве образовалась редакция детской литературы, руководимая С. Я. Маршаком, впоследствии вылившаяся в «Детгиз». Вокруг Маршака сложился большой творческий коллектив, в который входили писатели Б. Житков, В. Бианки, К. Чуковский, Е. Шварц, Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий, художники В. Ермолаева, Н. Тырса, А. Пахомов, В. Конашевич, Е. Чарушин и другие. Возглавлял художественную редакцию В. Лебедев. Он-то и привлёк в 1928 г. Васнецова к работе над детской книгой, заметив и оценив в нём интерес к русскому фольклору, любовь к народному искусству. «Очень важно, — отмечал В. Лебедев в статье «О рисунках для детей», — чтобы у художника, работающего над детской книгой, была способность и было умение снова переживать то ощущение интереса, которое он переживал в детстве. Но если художник нарочито мыслит как ребёнок, то ничего у него не получится, и его рисунок будет легко разоблачён как художественно фальшивый». (Литературный современник. — 1933. — № 12. — С. 204. — Текст непосредственный).

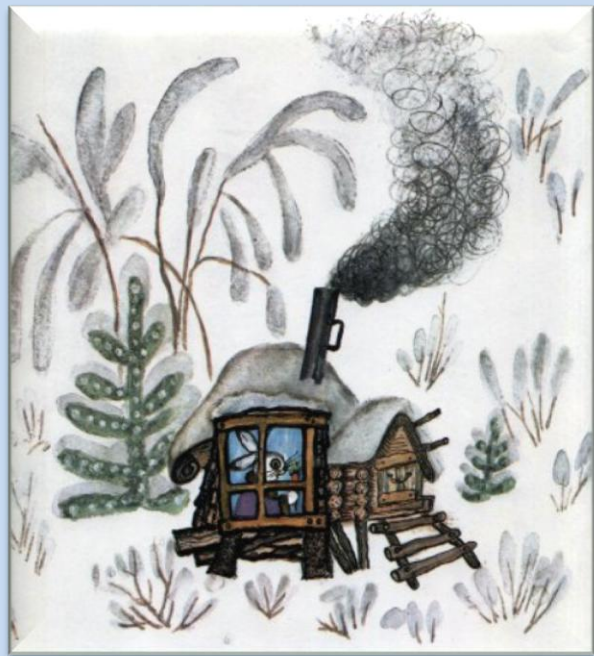

A639493

Лиса и заяц : русская народная сказка в пересказе В. И. Даля : для дошкольного возраста / редактор В. И. Серебряная ; рисунки Ю. А. Васнецова. — Ленинград : Художник РСФСР, 1982. — [16] с. : ил. — Текст : непосредственный.

(Наст. изд., с. 1-5)

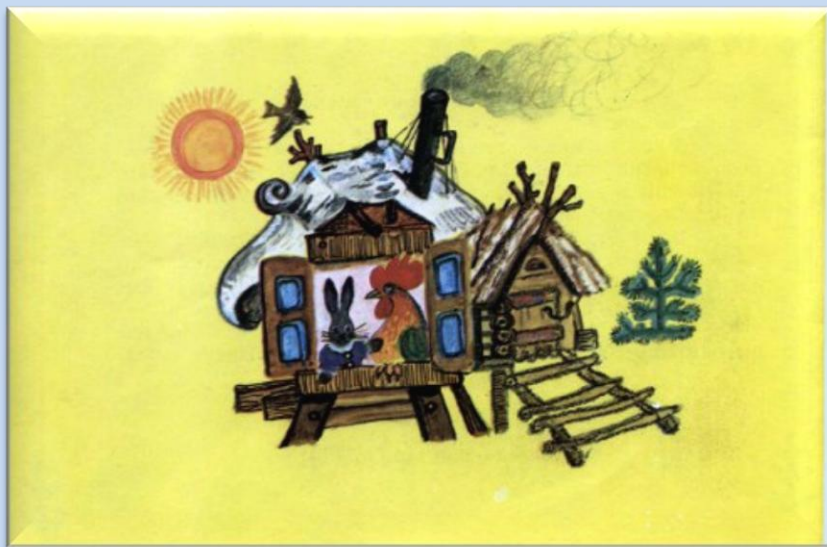

(Наст. изд., с. 6-9)

(Наст. изд., с. 10-11)

**Владимир Михайлович
Конашевич
(1888-1963)**

**книжный и станковый
график
рисовальщик**

В. М. Конашевич родился в Новочеркасске в 1888 г. С тринадцати лет систематически занимался рисованием под руководством И. И. Михайлова. В 1908 г. поступил в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, где он застал ряд выдающихся русских художников, среди них К. А. Коровина. Программу в училище следовало делать по утверждённому эскизу, но Конашевич представил большой портрет своей будущей жены Е. П. Скрябиной. За этот портрет 23 марта 1914 г. Конашевичу было присвоено звание художника живописи... В конце 1915 г. молодой художник совместно с С. В. Чехониным и Н. А. Тырсой участвовал в декоративной отделке Юсуповского дворца на Мойке.

Расцвет творчества художника наступил после 1917 г. В. М. Конашевич, как и многие его товарищи, увлекся графическим искусством, работая над книгой и для книги. В 1918 г. в издании Товарищества Р. Голике и А. Вильборг вышла первая книжка с картинками М. В. Конашевича «Азбука в рисунках» и «Розовая азбука». Особенно много Конашевич работал для издательства З. И. Гржебина, который задумал при участии М. Горького программу изданий русской литературы и книг для детей.

В 1922-1924 гг. Конашевич по приглашению А. Н. Бенуа участвовал на выставках «Мира искусства» в Петрограде и был избран в члены этого общества. В 1952-1961 гг. В. М. Конашевич участвует на выставках советской детской книги в Англии, Японии, США. Детская книга всегда привлекала художника. «Я не терплю в детской книге разгильдяйской «реалистической» живописи, когда форма теряется в суматохе мазков, – писал Конашевич.

Живопись в детской книге допустима, но только та живопись, которую мы зовём примитивной, которую мы видим у художников раннего Возрождения и, главным образом, в народном творчестве, которым и вдохновляюсь. <...> У меня, в моих рисунках, форма упрощена почти до предела, цвет доведён до 3-4 чистых красок, потому всё ясно и чётко. Последнему помогает то, что всё лежит на чистой бумаге, без ненужных пейзажных или каких иных фонов, той «среды», которой не найти в народном творчестве, в живописи на подносах, сундуках и прялках...», – отмечал В. М. Конашевич в статье «О себе и своём деле». В своём выступлении на учёном совете института им. Репина 28 ноября 1944 г. Конашевич говорил: «Меня часто осуждают за лёгкость, даже легкомысленность моих работ, не находят иногда в них ничего, кроме виртуозности, в которой мне никто не отказывает. Говорят о неоконченности, недоделанности моих работ. Всё-таки эти утверждения – в достаточной мере недоразумение, основанное на том, что в моих работах как раз спрятаны все концы в воду, то есть скрыты все усилия, все, так называемые, муки творчества, так как я берусь за карандаш или кисть тогда, когда всё уже сделано, всё выяснено почти до последней черты. Впрочем, пусть о моём искусстве говорят другие...».

A669743

Даль, В. И. Лиса – Лапотница : сказка / В. И. Даль ; рисунки В. Конашевича. – Москва : Детская литература, 1989. – 11 с. : ил. – Текст : непосредственный.

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит. «Хоть бы на один зуб чего перекусить», – думает лисонька.

Вот идёт она путём-дорогой; лежит ошмёток. «Что же, – думает лиса, ину пору и лапоток пригодится». Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

– Кто там? – спросил мужик, открывая оконце.

– Это я, добрый человечек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

– У нас и без тебя тесно! – сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

– Что мне, много ли надо? – просилась лиса. – Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, – и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

– Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток!

Мужик взял лапоть и кинул его под печку.

Вот ночью все заснули, лисичка слезла тихонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащила его и закинула далеко в печь, а сама вернулась как нив чём ни бывало, легла на лавочку и хвостик спустила под лавочку. (Наст. изд., с. 4).

Стало светать. Люди проснулись; старуха затопила печь, а старик стал снаряжаться в лес по дрова. Проснулась и лисица, побежала за лапотком – глядь, а лаптя как не бывало. Взыла лиса:

– Обидел старик, поживился моим добром, а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь: нет лаптя! Что делать? А ведь сам клал! Пошёл, взял курицу и отдал лисе. А лиса ещё ломаться стала, курицы не берёт, и на всю деревню воет, орёт о том, как разобидел её старик. Хозяин с хозяйкой стали ублажать лису: налили в чашку молока, покрошили хлеба, сделали яичницу и стали лису просить не побрезговать хлебом-солью. А лисе только того и хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вылакала молочка, уплела яичницу, взяла курицу, положила в мешок, простилась с хозяевами и пошла своим путём-дорогой. Идёт да песенку попевает:

Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Ошмёток нашла –
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
Курочку взяла. (Наст. изд., с. 4-5).

Вот подходит она вечером к другой деревне.

Стук, тук, тук, - стучит лиса в избу.

– Кто там? – спросил мужик.

– Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

– У нас и без тебя тесно, ступай дальше, – сказал мужик, захлопнув окно.

– Я вас не потесню, – говорила лиса. – Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, и вся тут!

Пустили Лису. Вот поклонилась она хозяину и отдала ему на сбережение свою курочку. Сама же смирнѣхонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку. хозяин взял курочку и пустил её к уткам за решётку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, подкралась к решётке, вытащила свою курочку, ощипала, съела, а пёрышки с косточками зарыла под печью ; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать ; баба принялась за печь, а мужик пошёл скотинке корму задать. Проснулась и лиса, начала собираться в путь ; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку. Мужик полез за курицей – глядь, а курочки как не бывало! Оттуда – сюда. Перебрал всех уток: что за диво – курицы нет как нет! А лиса стоит, да голосом и причитает:

– Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пёстрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

– Отдадим ей уточку да покормим её на дорогу!

Вот напили, накормили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота... (Наст. изд., с. 6-7).

<...> Сжалился хозяин, пустил лису, а она сует ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решётку к индюшкам.

Но сюда уже дошли с базару слухи про лису. Вот хозяин и думает : «Уж не та ли это лиса, про которую народ баёт?» – и стал за нею присматривать. А она, как добрая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха захрапела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решётке, схватила своего гуся. Закусила. Ощипала и принялась есть. Ест, поест. Да и отдохнёт – вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик всё приглядывает и видит, что лиса, собрав косточки и пёрышки, снесла их под печку, а сама улеглась опять и заснула. (Наст. изд., с. 8-9).

Проспала лиса ещё дольше прежнего, уж хозяин её будить стал:

– Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

– Пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, – сказал хозяин, отворяя ей двери настежь. А лиска ему в ответ:

– Не почто избу студить, и сама пойду, да наперёд своё добро заберу. Давай-ка моего гуся!

– Какого? – спросил хозяин.

– Да того, что я тебе вечор отдала на сбережение. Ведь ты у меня его принимал?

– Принимал, – ответил хозяин.

– А принимал, так и подай, – пристала лиса.

– Гуся твоего за решёткой нет; поди хоть сама присмотри – одни индюшки сидят.

Услыхав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну убиваться, ну причитать, что за своего-де гуся она бы и индюшки не взяла.

Мужик смекнул лисьи хитрости. «Постой, - думает он, - будешь ты помнить гуся!»

– Что делать, – говорит он. – Знать, надо идти с тобой на мировую. И обещал ей за гуся отдать индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла. (Наст. изд., с. 10).

Шла она, шла и захотелось её спеть песенку про себя да про лапотоx. Вот села, положила мешок на землю и только было принялась петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака – да на неё, а она от собаки, а собака за нею, не отставая ни на шаг.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака за нею, не отставая ни на шаг.... На лисонькино счастье, случилась нора; лиска вскочила в неё, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиска... А лиска с испугу дышит не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать:

– Ушки мои, ушки, что вы делали?

– А мы слушали да слушали, чтоб собака лисоньку не скушала.

– Глазки мои, глазки, вы что делали?

– А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!

– Ножки мои, ножки, что вы делали?

– А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.

– Хвостик, хвостик, ты что делал?

– А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.

– А , так ты не давал мне бежать! Постой, вот я тебя! – сказала лиска и, высунув хвост из норы, закричала собаке:

– На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы. (Наст. изд., с. 12).

*За изданиями, представленными на выставке,
приглашаем в Зональную научную библиотеку имени В. А. Артисевич
(ул. Университетская, 42)*

